

народного мировоззрения фольклор является уникальным источником. Тема: фольклор как источник для изучения истории народного мировоззрения должна войти в план работы сектора. Нельзя также пройти мимо проблем ранних этапов истории фольклора, проблем происхождения фольклора и искусства вообще. То положение, в которое эти проблемы завела буржуазная фольклористика и этнография, не может быть изжито, если мы ограничимся только рецензиями и обсуждениями. Необходимо, чтобы сектор фольклора стал центром, объединяющим наших квалифицированных этнографов в работе над этими проблемами.

Наконец, надо ввести в практику нашей работы серьезную последовательную и повседневную критику. Фольклорных работ выходит много. Они должны обсуждаться и рецензироваться. Вместе с тем надо широко развернуть критику современных буржуазных теорий в области фольклора. У нас до сих пор предпочитают критиковать мифологическую школу первой половины XIX в. и не замечать, что на наших глазах в работы советских ученых проникает влияние наиболее реакционных воинствующих буржуазных школ современности. Критика этих школ парализует их вредное воздействие на наших фольклористов.

Мы отдаем себе достаточно ясно отчет в той большой ответственности перед народом, перед партией, которая возложена на нас. Для нас ясно, каким могучим оружием идеологического воспитания народа является фольклор. Поэтому наиболее ответственной является задача правильного освещения проблемы фольклора и участия наших ученых в организации процесса развития советского фольклора. Вместе с тем для нас ясно, насколько важно наше понимание фольклора как продукта творчества трудового народа, отразившего, как в капле воды, всю его славную и богатую историю. И та и другая сторона фольклорных фактов, подлежащих нашему изучению, раскрывает огромные теоретические перспективы, ставит широкие проблемы, и сейчас мы имеем все основания требовать от наших фольклористов, чтобы они шли прямым путем, не теряли ориентации и не сворачивали на боковые дорожки. Единственной путеводной нитью в нашей работе может служить марксистско-ленинская теория. Ею не все еще овладели. Нашим фольклористам нужно серьезно заняться изучением марксизма-ленинизма. Не зазорно никому сесть за школьную скамью и начать изучать его так, как полагается каждому советскому человеку, ибо неисчерпаемо наследство Маркса — Энгельса — Ленина, неисчерпаемо богатство трудов товарища Сталина.

Закрывая совещание, можно сделать следующие выводы.

Мы должны сказать, что наше совещание, с одной стороны, само по себе поможет дальнейшей организации нашей работы, а с другой — явится не последним, и мы не раз еще вернемся к обсуждению больших задач, стоящих перед фольклористикой, и к критике буржуазных теорий, если будет еще иметь место проявление этих теорий и их пережитков у нас в практике фольклористической и этнографической работы. Надо сделать критику и самокритику в этой области фактом нашей повседневной работы.

Что же касается предложений, которые были сделаны в ходе совещания, то они должны быть обсуждены на ближайшем заседании дирекции Института и ряд из них должен быть включен в план работы фольклорного сектора.

*В. Чичеров*

## ДИСПУТ ПО ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИИ Я. Я. РОГИНСКОГО

25 февраля 1948 г. на заседании Ученого Совета Биологического факультета Московского гос. университета состоялась защита диссертации на соискание степени доктора биологических наук Я. Я. Рогинским. Тема диссертации — «Некоторые антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека». Работа посвящена одному из наиболее значительных и сложных вопросов антропогенеза, рассмотрение которого требует привлечения не только данных антропологии, но и материалов этнографии, археологии и других смежных дисциплин. Работа представляет собой результат многолетних исследований диссертанта, частично изложенных им в целом ряде его статей. Во введении дана краткая история спора между сторонниками одного и многих центров становления человека, вылившегося сперва в форму борьбы между моно- и полигенизмом, затем, после утверждения эволюционной теории, — между моно- и полифилией и, наконец, в новейшее время, — между моно- и полицентризмом. Основным содержанием работы является исследование, посвященное соотношению современных и ископаемых типов человека. Применен ряд новых методов обработки материала, автор пришел к выводу о том, что «в общем не имеется соответствия между локальными формами древних гоминид, с одной стороны, и современными человеческими расами, с другой. Исключения представляют

западные неандертальцы. «человек из Эрингсдорфа» и отчасти «человек из Штейнгейма», обнаруживающие некоторые черты сходства с современными расами Европы». Автор подвергает подробной критике взгляды одного из наиболее убежденных полицентристов Ф. Вейденрейха, но одновременно приводит и ряд возражений против широко распространенных взглядов моноцентризма в узком смысле слова. Автор защищает положение, что процесс формирования *Homo Sapiens* протекал на одной, но обширной территории, и высказывает предположение, что в той зоне, где протекал этот процесс, имело место интенсивное смешение становящихся новых форм между собой, а частично и с более древними вариантами. По мнению диссертанта, не все древнейшие и древние коллективы палеоантропа приняли одинаковое участие в формировании современного человека, что было связано с неравномерностью исторического развития разных групп. Не менее важное место в диссертации, наряду с проблемой о месте и времени происхождения *Homo Sapiens* (по последнему вопросу особо ценно исследование, посвященное Сванскомской находке), занимает проблема факторов происхождения современного человека. Здесь автор подробно аргументирует свои взгляды о том, что в основе этого процесса лежало приобретение нашим предком таких свойств, которые делали возможным его более высоко развитое социальное поведение, в частности, более дифференцированную членораздельную речь. Последний тезис автора гласит о том, что «единство ныне живущего человечества покоится не только на основе общих закономерностей общественного развития, но и на кровном родстве всех составляющих его рас».

Оппонентами по диссертации выступили: доктор биологических наук М. А. Гремяцкий, доктор биологических наук А. А. Парамонов и доктор исторических наук С. П. Толстов. Все оппоненты дали очень высокую оценку диссертации и отметили ее большое теоретическое значение. Основные положения автора не встретили возражений, и замечания оппонентов носили в основном частный характер. М. А. Гремяцкий подробно остановился на той части диссертации, где автор рассматривает место человека из пещеры Киик-Коба в генеалогии современных людей, и высказал мнение, что Бонч-Осмоловский недооценил пережитки древесной стадии в строении стопы киик-кобинца. А. А. Парамонов указал на желательность еще более широкого использования археологического материала для разрешения проблемы моно- и полицентризма. С. П. Толстов более подробно разобрал положения автора в свете археологических и этнографических материалов. Он выразил мнение, что область становления современного человека была еще более широкой, чем та, которую наметил диссертант, но вместе с тем признал, что выводы автора об отсутствии прямой преемственной связи между ныне живущими расами и локальными типами древних гоминид могут считаться полностью доказанными. Ученый Совет Факультета единогласно присудил диссертанту искомую степень.

*М. Левин*

## ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ НАРОДНОГО БЫТА ЛАТВИЙСКОЙ ССР (БРИВДАБАС МУЗЕЙС)

В 12 км от г. Риги, по Псковскому шоссе, на берегу озера Югла расположен Бривдабас Музейс — латышский этнографический музей на открытом воздухе, по образцу известных скандинавских музеев: норвежского Фолькемусеума в г. Осло или шведского Скансена в г. Стокгольме.

Территория Бривдабас музея представляет холмистую местность, поросшую хвойным лесом, с многочисленными полянками и ложбинками. Здесь, на этих полянках, среди сосен и елей, расположено 37 деревянных строений XVI—XIX вв., привезенных из различных районов Латвийской ССР — из Курземе и Видземе, из Земгалии и Латгалии. Среди строений есть церкви, жилые дома, риги, скотные дворы, бани, мельницы, клетки, амбары и пр. Все они снабжены соответствующим инвентарем, мебелью, утварью, кухонной посудой, воспроизводящими тот материальный быт, который был привычен проживавшим в этих строениях обитателям. Музей обладает также достаточными фондами соответствующей народной одежды, чтобы в теплые летние дни — когда бывает особенно велик приток посетителей — одевать в эту одежду обслуживающий персонал (как это делается и в скандинавских музеях). Правда, в отличие от норвежских и шведских музеев в остальные дни национальная одежда лежит в хранилище, а не вывешена в экспозиционных помещениях.

В настоящее время в Музее 2 000 экспонатов, но перед Отечественной войной их было гораздо больше — до 10 000. Во время гитлеровской оккупации на территории Музея был расположен немецкий артиллерийский парк, солдаты и офицеры которого разграбили этнографические фонды, в особенности предметы одеяния и